

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Одесский археологический музей НАН Украины

Ассоциация болгар Украины

Одесское городское общество охраны памятников истории и культуры

Человек в истории и культуре

Мемориальный сборник научных работ
в память лауреата Государственной премии Украины
академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук,
Владимира Никифоровича Станко

Выпуск 3

Ирбис
Одесса
2017

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ. Мемориальный сборник научных работ в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. – Одесса: Ирбис, 2017. – 694 с.

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, доцент *А.А. Пригарин*

Ответственный секретарь:

кандидат исторических наук, доцент *А.И. Ганчев*

Редакционная коллегия:

- Е.А. Бачинская* – доктор исторических наук, профессор,
И.В. Бруяко – доктор исторических наук,
А.В. Главенчук
И.С. Гребцова – доктор исторических наук, профессор,
А.И. Киссе – доктор исторических наук,
В.А. Колесник – доктор филологических наук, профессор,
С.В. Коч – кандидат политических наук, доцент
В.И. Наулко – член-корреспондент НАН Украины,
доктор исторических наук, профессор,
И.В. Пиструил – кандидат исторических наук, доцент
Г.Н. Стоянова – кандидат исторических наук, доцент

Рецензенты:

- Н.Д. Руссев* – доктор исторических наук, профессор,
М.К. Чучко – доктор исторических наук, профессор

В данный сборник вошли результаты исследований друзей, коллег и учеников профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко. Он составлен в память об этом замечательном Человеке и Ученом, организаторе исследовательского и образовательного процесса в Одессе. Тематические работы представляют направления научных интересов Профессора – археология, этнология, история. Широкая хронологически и географически проблематика статей должна вызвать интерес среди специалистов разных дисциплин и академических центров.

ISBN 978-617-7473-03-8

© Авторы статей, 2017
© Редколлегия, 2017
© Ирбис, 2017

Содержание

Наследие Владимира Никифоровича Станко: уроки и пространства	9
В память об Учёном и Человеке, науке и судьбе	
<i>Беляева В.И.</i> Владимир Никифорович Станко	13
<i>Стрельцов С.Л.</i> Видатний педагог і вчений, прекрасна людина: спогоди про професора Володимира Никифоровича Станко	15
<i>Бачур Б.С.</i> Я учился у него жизни... ..	17
<i>Бачинська О.А.</i> Більше, ніж друг родини та родич	25
<i>Новікова Л.В.</i> Володимир Никифоровичу Станку – педагогу й вченому – з подякою за наукове «пробудження»	29
<i>Гребеников В.Б.</i> Два епізоди	32
<i>Поспелов А.С.</i> Вспоминая Владимира Никифоровича Станко	34
<i>Горбенко К.В., Филатов Д.В.</i> Владимир Никифорович Станко: николаевский этап творческого пути	36
<i>Оленковський М.П.</i> Роль В.Н. Станко у дослідженнях палеоліту на Нижньому Дніпрі	43
<i>Мацкевий Л.Г.</i> Володимир Никифорович Станко і питання мезоліту України	50
<i>Карпеченков А.Г.</i> К вопросу о международном научном сотрудничестве В.Н. Станко	58
<i>Дели А.П.</i> О чём рассказала газета? Отражение научной и общественной деятельности В.Н. Станко в газетных статьях	66
Археология Северного Причерноморья в мировом контексте	
<i>Вишняцкий Л.Б., Очередной А.К.</i> К вопросу о наличии двусторонне обработанных орудий в нижнем слое Киик-Кобы	77
<i>Колесник А.В.</i> Проблема типологии мастерских среднего палеолита Донбасса	82
<i>Кимура Х., Разгильдеева И.И., Гиля Е.Ю.</i> Доказательная интерпретация изделий с резцовыми сколами. Резцы стоянок Хороказова пункт Тома и Костёнки-1	92
<i>Леонова Н.Б., Хамакава М., Александрова О.И.</i> Новые возможности для реконструкции хозяйственной деятельности на памятниках каменного века – изучение микродебитажа	108
<i>Беляева В.И., Янсон С.Ю.</i> Сырьевые источники и кремневые индустрии стоянок верхнего палеолита Десны	122
<i>Ахметгалеева Н.Б., Главенчук А.В.</i> Некоторые трасологические наблюдения костяных предметов со стоянки Анетовка 2 из коллекции Одесского археологического музея	129
<i>Главенчук А.В.</i> Материалы органического происхождения на позднепалеолитическом поселении Анетовка 2 в степном Побужье	139

Пиструил И.В., Секерская Е.П. Археозоологические материалы стоянки Анетовка 2 из раскопок 2015 г.	146
Коваль Ю.Г. Ильинка IV – местонахождение каменного века в верхнем течении р. Сухие Ялы и некоторые аспекты местной сырьевой базы	150
Желтова М.Н. Ты помнишь, как всё начиналось? (О первых шагах музеефикации палеолитической стоянки в Костёнках)	159
Сніжко І.А. Дослідження периферійних ділянок пізньопалеолітичної стоянки біля с. Кам'янка Харківської області	166
Нездолий О.І. Стоянка Коробчине-курган у Середньому Побужжі	171
Сминтина О.В. Максимум останнього зледеніння у Північно-Західному Причорномор'ї у світлі дискусії про вплив Чорного моря на культурно-історичні процеси в регіоні	178
Грицюта О.О. Експериментальні дослідження з обробки кістки в умовах археологічної практики студентів	183
Бьяджи П., Киосак Д. Новые даты для финального палеолита и мезолита Горного Крыма	187
Плохенко Б.Г. Формирование состава фаунистических остатков на археологических памятниках и факторы, оказывающие на них воздействие	198
Скакун Н.Н., Жилин М.Г., Терехина В.В. Грузила из мезолитического поселения Ивановское 7, Волго-Окское междуречье	203
Гаскевич Д.Л. Великий наліп з «дашком» на посудині із Соколиць VI та проблема синхронізації неоліту Побужжя і Балкано-Карпатського регіону	215
Езепенко И.Н. Поздние этапы днепро-донецкой культуры в бассейне Верхнего Днестра	224
Цыбрий А.В. Хозяйственно-бытовые комплексы стоянки Кременная II на Нижнем Дону	234
Иванова С.В. Курганы на поселениях трипольской культуры	242
Яровой Е.В. Два ранних одиночных погребения из Молдавии	252
Разумов С.Н. Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра)	257
Никитин В.И. Каменные и кремнёвые орудия труда с поселения катакомбной культуры Матвеевка-1 на Южном Буге	266
Лысенко С.Д. Юго-восточные и южные контакты культур тшинецкого культурного круга	290
Лысенко С.Д., Синика В.С., Гуцул А.В. Бронзовое навершие из Токмазеи	302
Кожухарь В.К. Новый памятник поздней бронзы у села Петровка	307
Синельников А.С. Коллекция материалов из раскопок городища Пивденное: состояние источника	312

Хахеу Василе Фортификации Северных Фракийцев в Карпато-Днестровских землях (возможные реконструкции)	314
Секерская Е.П., Сьяняк Н.С. Новые данные к реконструкции музыкальной культуры населения Нижнего Поднестровья в античное время	331
Савельев О.К., Савельева Е.С. Несколько терракот римского времени из Тире	335
Агульников С., Чебан И. Исследования курганов у с. Филипень в Леовском районе Молдовы	338
Чебан И., Агульников С., Попович С. Исследования кургана № 12 «Мовила Гологан» у с. Крихана Веке в Нижнем Попрутье в 2016 г.	345
Гребенников В.В., Снытко И.А. История исследований памятников археологии Доманёвского района	347
Гавриленко І.М. Археологічні інтереси Володимира Вернадського (з історії одного рукопису)	351
Пашкевич Г.А. Палеозотботаническое исследование памятников усадовской культуры ...	363

История и этнология: люди в контекстах

Попова Т.Н. Образ истории истории в современном историографическом пространстве	375
Кузьмин Е.В. История народа и история человека в философии Йосефа Альбо (ок. 1380 – ок. 1444)	403
Карпаченков А.Г., Кривохатская О.И. Письма на Гроб Господень (Иерусалим) из Российской Империи в конце XIX в. и одесский предприниматель А.Я. Новиков (опыт микроисторического исследования)	409
Березин С.Е. Антиковедение в Новороссийском университете. Третий период деятельности кафедры всеобщей истории (1884–1901): Ф.В. Режабек, Р.Ю. Вишпер, П.Н. Ардашев	419
Черных И.Д., Стоянова Г.Н. Крестьянская культура в дискурсе Модерна (к проблеме преодоления исторических стереотипов)	427
Поспелов А.С. Военно-стратегические итоги нулевых годов	432
Пригарин А.А. Сколько лет Молдаванке? Локальный сюжет в одесско-исторической ретроспективе	438
Громов Д.В. Одесса: места исполнения желаний	448
Дмитрюк В.В. Фотография как образ современного города: практики горожан и туристов (на материалах города Одессы)	466
Комар Я.В. Маленький город. Опыт переселенца	473
Фокин И.А. Историчность памятников и конфликт поколений: к вопросу принципов политики коммеморации в Украине	479

Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра)

Кучурганская степная равнина, расположенная на левобережье Нижнего Днестра, представляет собой весьма благоприятную для ведения скотоводческого хозяйства ландшафтно-климатическую зону с богатыми пастбищами, пригодными для выпаса в зимнее время, пойменными лугами и лесами, обилием диких зверей и рыбы, водооями¹. Западную часть этой равнины пересекает с севера на юг небольшая в настоящее время река Красная, образующая озеро Красное. На водораздельных плато над рекой до сих пор сохранились, несмотря на интенсивную распашку, десятки курганных насыпей, содержащих погребения различных эпох – от энеолита до позднего средневековья. В четырёх курганах эпохи бронзы, раскопанных Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко в 1995, 2012, 2013 и 2016 гг. близ села Глиное Слободзейского района, были исследованы более 20 захоронений, относящихся к катакомбным культурам (Глинянский могильник, группы Глиное-ДОТ и Глиное-Сад). Это около 25% от всех комплексов энеолита-бронзового века курганов на реке Красная. Такая относительно небольшая выборка (всего на территории Северо-Западного Причерноморья известно около 500 комплексов катакомбной культурно-исторической общности)² ценна прежде всего тем, что позволяет довольно полно охарактеризовать население среднего бронзового века одного микрорегиона. Опубликованы были лишь шесть погребений ингульской катакомбной культуры из кургана 1 Глинянского могильника. Отметим, что предварительно отнесённые в упомянутой публикации к катакомбным п. 1 и 2 из кургана 110 того же могильника по итогам дальнейших исследований получили более раннюю датировку. Таким образом, 15 захоронений публикуются впервые.

Один комплекс (Глиное-Сад, к. 1 п. 18) по ряду признаков относится к раннекатакомбной культуре, остальные, очевидно, связаны с ингульской культурой катакомбной культурно-исторической общности.

Все катакомбные погребения впущены в насыпи курганов более раннего времени (рис. 1). В кургане 1 Глинянского могильника захоронения ингульской культуры №№ 24, 31, 43, 44, 51 и 52 образуют дугу в южной части второй (ямной) насыпи кургана, симметрично по отношению к «ямной дуге» (рис. 1.1). Камеры пяти катакомб относительно входных шахт располагались по направлению к центру кургана, кроме п. 51 (кенотаф) на восточной оконечности дуги, где камера находилась строго на север от входной ямы.

В кургане 1 группы Глиное-Сад четыре ингульских и одно раннекатакомбное погребения располагались без определённого порядка южнее и восточнее

¹ Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. – Тирасполь: Stratum plus, 2016. – С. 35–36.

² Иванова С.В. Катакомбные культуры // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины). Одесса: Одесский археологический музей, 2013. – С. 255–275.

³ Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. – № 2. – 2013. – С. 297–340.

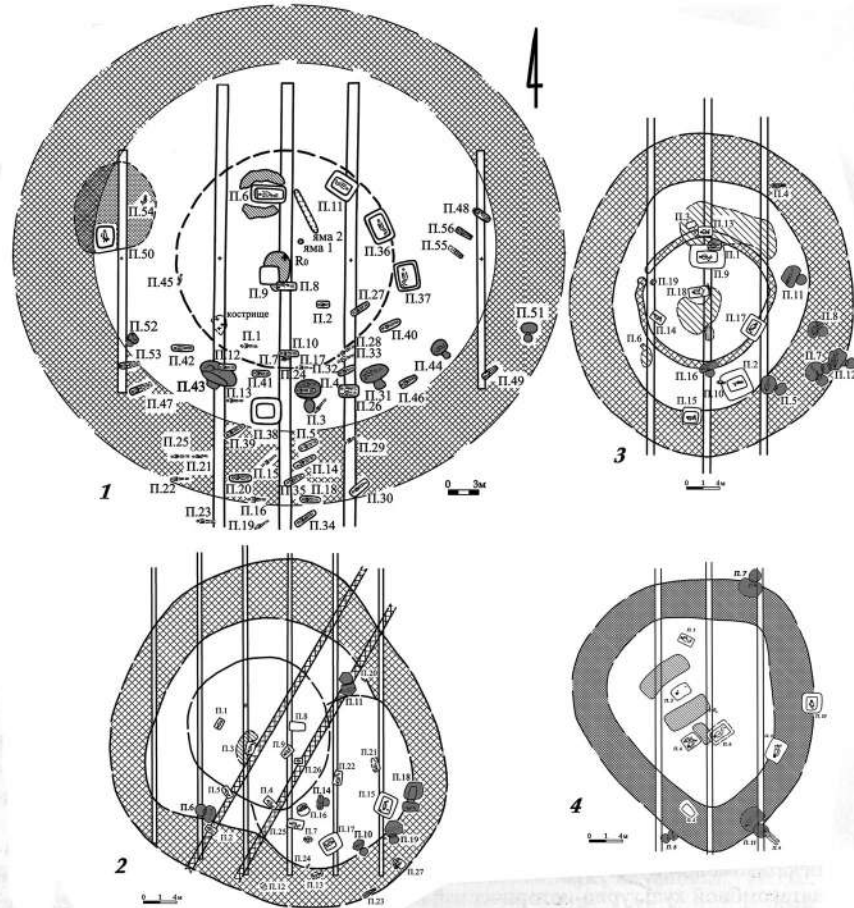

Рис. 1. Курганы на реке Красная: 1 – Глинянский могильник, курган 1; 2 – группа Глиное-Сад, курган 1; 3 – группа Глиное-ДОТ, курган 1; 4 – группа Глиное-ДОТ, курган 2

центра насыпи, при этом камерой к центру было направлено только п. 10 (рис. 1.2). Погребение 11 было впущено в северную полу.

В кургане 1 группы Глиное-ДОТ шесть захоронений ингульской культуры образовали дугу в юго-восточной поле второй (ямной) насыпи, камерами ориентируясь к её центру (рис. 1.3). Во втором кургане той же группы два комплекса ингульской культуры были впущены в южную полу второй (ямной) насыпи, а третий – в северо-восточную её полу (рис. 1.4). Все катакомбы камерами ориентированы к центру кургана.

Погребальным сооружением во всех случаях является катакомба. Сохранившиеся входные шахты в большинстве случаев в плане имели круглую либо овальную форму. Здесь следует отметить, что 14 шахт были заполнены утрамбованным материковым выкидом. Следовательно, выявить их стенки и дно зача-

стную удавалось лишь по твёрдости грунта. При этом в ряде случаев достоверно была зафиксирована многоугольная (чаще шестиугольная) в плане форма входных шахт (рис. 2). Этот факт позволяет предположить, что некоторые шахты овальной формы первоначально также могли быть многоугольными. Шахта ингульского п. 43 к. 1 Глинянского могильника имела форму трапеции. Подквадратной в плане формы с углублением в центре была шахта раннекатакомбного п. 18 к. группы Глиное-Сад. Остатки заслонов дромосов в виде жердей отмечены лишь в двух случаях (раннекатакомбное п. 18 и ингульское п. 6 к. 1 группы Глиное-Сад). Камеры катакомб также имели овальную, «фасолевидную» либо многоугольную в плане форму (рис. 2–3). Камера раннекатакомбного п. 18 к. группы Глиное-Сад была прямоугольной формы. Во всех случаях, когда в камерах сохранялись остатки свода, он был уплощённым, а не арочным.

В 12 комплексах зафиксированы остатки подстилок в виде коричневого (11 камер) или светло-серого (одна камера) органического тлена. В двух случаях присутствовали обе разновидности подстилок. Дважды отмечена окраска подстилок охрой. Окраска черепов охрой также встречается дважды, ещё в одном случае охрой были покрыты зубы коня, уложенного в катакомбе п. 43 к. 1 Глинянского могильника.

Одно погребение ингульской культуры являлось кенотафом, вероятно, детским (Глинянский могильник к. 1 п. 51). В трёх катакомбах были погребены дети, в 14 – одиночные взрослые (антропологические определения есть по семи из них – Глинянский могильник к. 1 п. 52 – ребёнок до 1 года, Глиное-ДОТ к. 1 п. 5 – мужчина 35–50 лет, п. 7 – мужчина 35–50 лет, п. 11 – мужчина 30–40 лет, п. 16 – мужчина (?) 35–50 лет, Глиное-Сад к. 1 п. 6 – мужчина 45–60 лет, п. 11 – мужчина 35–50 лет). Кроме того, одно захоронение было тройным (Глиное-ДОТ к. 1 п. 8 – мужчина (?) старше 40 лет, женщина 20–30 лет и ребёнок возрастом до 1 года), и два – парными (Глинянский могильник к. 1 п. 43 – два расчленённых костяка взрослых; Глиное-ДОТ к. 1 п. 12 – мужчины 25–35 и 18–25 лет). В погребениях № 7 и 11 кургана 2 группы Глиное-ДОТ (раскопки 2016 г.), судя по морфологии костяков, также захоронены взрослые мужчины. Обращает на себя внимание абсолютное преобладание мужчин в возрасте от 25 до 50 лет.

Позы и ориентировка погребённых также разнятся. Большинство было уложено вытянуто либо слабо скорченно на спине – 11 костяков. Средняя степень скорченности на спине либо на левом боку характерно прежде всего для детских захоронений – три комплекса. Один взрослый был также средне скорчен на спине (Глинянский могильник к. 1 п. 31), другой на левом боку, в позе, характерной для ямных погребений Северо-Западного Причерноморья – левая рука вытянута к ногам, правая согнута в локте под прямым углом и уложена кистью в левый локоть (Глиное-Сад к. 1 п. 18, раннекатакомбное).

В двух случаях мы имеем дело с обрядом демембрации – Глинянский могильник к. 1 п. 43 (парное, оба расчленены) и Глиное-ДОТ к. 2 п. 7. Традиция погребения по обряду демембрации получает достаточно широкое распространение в эпоху бронзы в степной и лесостепной зонах Восточной Европы⁴. Согласно подсчётам Р.А. Литвиненко, в ямной культуре она достигает 1,71% от

⁴ Все антропологические определения были сделаны доктором Сильвией Лукастик (Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша).

⁵ Лысенко С.Д. Демембрация в погребальном обряде комаровской культуры // Древние культуры, обряды, ритуалы: памятники и практики. Сборник научных статей / Гл. ред. Е.П. Токарева. – Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. – С. 75.

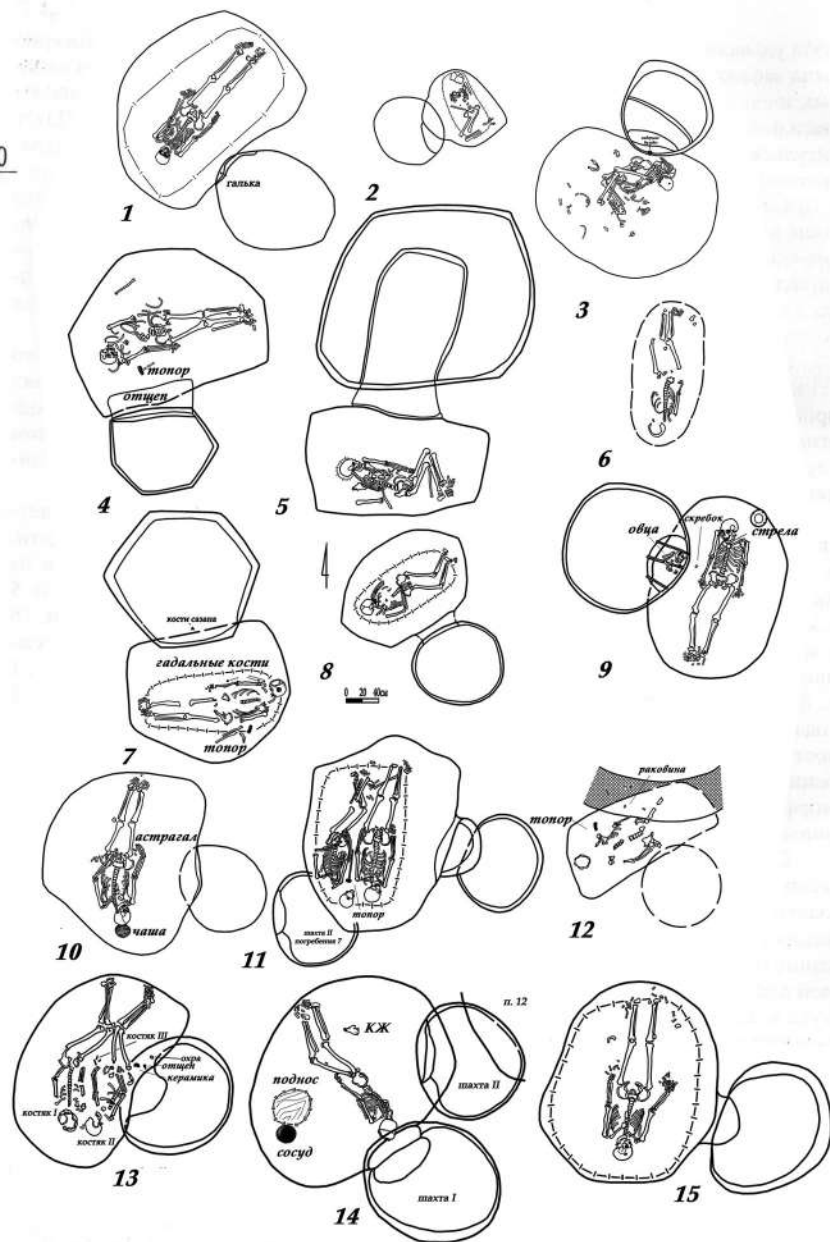

Рис. 2. Комплексы катакомбных культур, 1 – Глиное-ДОТ, к. 2 п. 11; к. 2 п. 8; к. 2 п. 7; Глиное-Дот, к. 1 п. 19; к. 1 п. 18; к. 1 п. 14; к. 1 п. 11; к. 1 п. 10; к. 1 п. 6; Глиное-Сад к. 1 п. 11; к. 1 п. 12; к. 1 п. 16; к. 1 п. 8; к. 1 п. 7; к. 1 п. 5

учтённых им погребений, а в катакомбной – 3,98%. Для памятников катакомбной культурно-исторической общности исследователи отмечают сравнительно высокий процент погребальных комплексов, которые можно связывать с проявлениями демембрации. С.Ж. Пустовалов, анализируя катакомбные территориальные массивы между Ингулом и Нижним Доном, насчитывает 2,4% вторичных погребений⁷. В работе С.Г. Небрата на 884 учтённых погребения ингульской катакомбной культуры приводится выборка из 31 комплекса, которые являлись, по мнению автора, именно вторичными погребениями (около 3,5%)⁸. Отметим, что в упомянутую выборку не вошёл целый ряд неопубликованных комплексов, однако общее представление о распространении «вторичных» погребений в ингульской катакомбной культуре автором дано. Показательно, что подавляющее большинство этих комплексов (29) располагалось на территории между Ингулом и Молочной⁹. На приведённой карте только два погребения – Глиное к. 1 п. 43 и Траповка к. 6 п. 11 – оторваны от этого массива и находятся гораздо западнее, в Нижнем Поднестровье и у озера Сасык севернее устья Дуная соответственно.

Поблизости от упомянутого комплекса Траповка к. 6 п. 11, также на восточном берегу озера Сасык, было раскопано ещё одно погребение ингульской катакомбной культуры с демембрацией – Лиман к. 2, п. 4¹⁰, не учтённое в подборке С.Г. Небрата.

Таким образом, достаточно достоверно демембрация была прослежена на территории Северо-Западного Причерноморья лишь в четырёх комплексах ингульской катакомбной культуры. При этом их удельный вес гораздо ниже, чем на территориях восточнее Ингула и Южного Буга – менее одного процента от числа комплексов катакомбной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья. Все они относятся к ингульской культуре. Неслучайно и их расположение попарно в соседних курганных группах, что может свидетельствовать о хронологической близости данных погребений. Три из четырёх захоронений имели неординарный инвентарь. В двух случаях (Глинянский могильник к. 1 п. 43 и Траповка к. 6 п. 11) отмечено наличие кострищ в камерах катакомб. В трёх случаях после завершения посмертных действий с телом входные колодцы катакомб «запечатывались» утрамбованным заполнением из материкового суглинка. Уникальным является и размещение целой туши коня в камере катакомбы 43 к. 1 Глинянского могильника. Также следует обратить внимание на наличие признаков пребывания тел в незакрытых камерах при незасыпанных входных колодцах в течение довольно длительного времени. В этой связи вывод С.Г. Небрата о том, что «помещение в могилу «расчлененных» скелетов является результатом погребения лиц, умерших вдали, во время выпаса скота или

⁷ Литвиненко Р.А. Обряд вторичного похоронения в культурах бабиньского кола // Донецкий археологический збірник. – № 15. – Донецьк: Вид-во Донецького університету, 2011. – Табл. 2–3.

⁸ Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. – Київ: Шлях, 2005. – С. 35.

⁹ Небрат С.Г. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры // Донецкий археологический збірник. – № 17. – Донецьк: Вид-во Донецького університету, 2013. – С. 11–16.

¹⁰ Там же. Рис. 1.

¹¹ Тошев Г.Н. Западный ареал памятников катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев: ИА НАН УССР, 1991. – С. 91.

военного похода»¹¹, представляется несколько прямолинейным. Очевидно, значительная часть «вторичных погребений» появилась в результате посмертных манипуляций с останками, определённое время пролежавшими в открытом погребальном сооружении. Наиболее вероятно, что причиной таких манипуляций были определённые требования погребально-поминальной обрядности, связанные, видимо, с прижизненными особенностями либо с обстоятельствами смерти покойных.

Подвлияющее большинство костяков ориентировано в южном полушарии – 14 комплексов (в тройном и парных погребениях костяки ориентированы одинаково). Объясняется такое преобладание тем, что при впуске катакомб в юго-восточные и южные полы более ранних курганов, поскольку погребённые (за двумя исключениями – Глинянский могильник к. 1 п. 52 (младенец) и Глиное-Сад к. 1, раннекатакомбное п. 18) традиционно укладывались головой слева от входа в камеру (18 комплексов, включая демембрации), ориентировка в южный полушарии была неизбежной. Иная ориентировка костяков связана с впуском катакомб в юго-западную либо в северную части насыпей (рис. 1).

Кости животных встречаются в шести случаях. В камере п. 43 к. 1 Глинянского могильника, на сложной вымостке, черепом на юго-юго-запад лежал анатомически целый скелет лошади. Под костяком и по его периметру прослежен светло-серый тлен от растительной подстилки. Зубы животного были окрашены малиновой охрой (рис. 3.1). Отметим, что аналогичный обряд – помещение в катакомбу целой туши коня – зафиксирован лишь единожды: во входном колодце погребения 17/18 кургана «Любаша» в Одесской области находился скелет жеребёнка¹².

Остатки целой туши животного найдены также в ингильском п. 6 к. 1 группы Глиное-Сад. Здесь поверх заслона в виде трёх наклонных жердей лежал скелет овцы домашней (возраст 12–24 месяца)¹³, на правом боку, мордой на север, с подогнутыми под тело ногами (рис. 2.9). У входов камеры также были найдены кости трёх крупных пресноводных рыб – сазанов (Глиное-Сад к. 1 п. 11) и кости птицы (Глинянский могильник к. 1 п. 31). Рядом с двумя погребёнными лежали остатки напугственной пищи в виде костей быка домашнего (Глиное-ДОТ, к. 1 п. 7), быка либо коня (Глинянский могильник к. 1 п. 43).

В 14 комплексах обнаружен различный погребальный инвентарь. В двух случаях зафиксированы деревянные сосуды, в трёх – четыре керамических сосуда (в парном п. 43 к. 1 Глинянского могильника два сосуда, в п. 7 к. 1 группы Глиное-ДОТ – деревянный поднос и лепной горшок). Один горшок был орнаментирован прочерченными треугольниками, два покрыты крупными расчёсами. Также в тройном п. 8 к. 1 группы Глиное-ДОТ был найден фрагмент орнаментированной ингильской чаши. Среди орудий труда можно назвать одно костяное и два бронзовых шила, составной нож с деревянной основой и тремя кремнёвыми вкладышами, кремнёвый скребок на отщепе. Два кремнёвых отщепа и галька со следами работы найдены у входов в камеры, ещё один отщеп – у левого плеча погребённого. Кроме того, среди находок в камерах следует упомянуть астрагал мелкого рогатого скота и две створки раковин.

¹¹ Небрат С.Г. Вторичные погребения ингильской катакомбной культуры // Донецкий археологічний збірник. – № 17. – Донецьк: Вид-во Донецького університету, 2013. – С. 18.

¹² Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. – Одесса: ОГПУ. – 2005. – С. 85, рис. 55.

¹³ Археозоологические определения здесь и далее были сделаны к.б.н. Евгенией Яниш (Институт зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины).

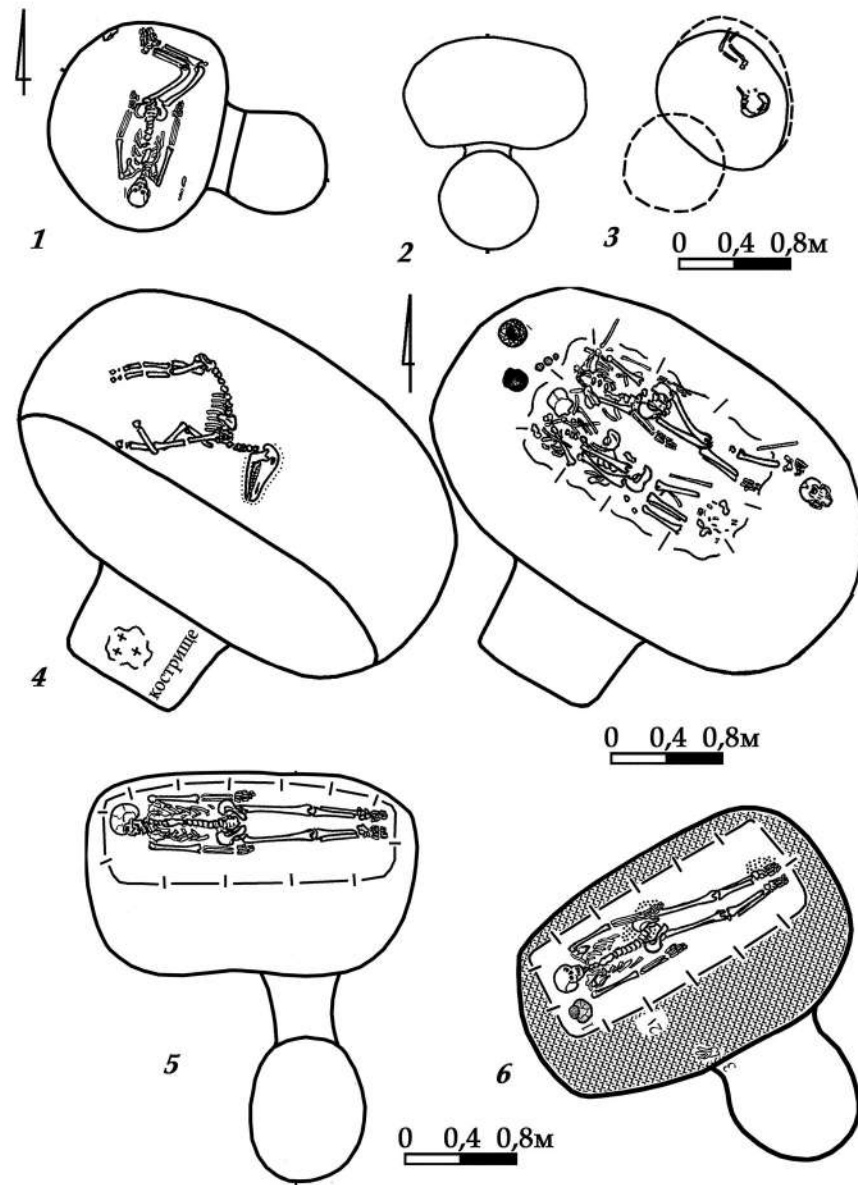

Рис. 3. Комплексы катакомбных культур; 1 – Глинянский могильник, к. 1 п. 31; к. 1 п. 51; к. 1 п. 52; к. 1 п. 43; к. 1 п. 24; к. 1 п. 31

Украшения представлены двумя бронзовыми нашивными бляшками и подвеской из зуба коня (?) (Глинянский могильник к. 1 п. 43).

Предметы вооружения (инсигнии власти) в виде четырёх каменных наверший топоров-молотов и одной заготовки навершия булавы обнаружены в пяти комплексах. Отметим, что процент погребений с топорами-молотами крайне высок для катакомбных памятников Северо-Западного Причерноморья – к началу 2000-х годов на примерно 500 комплексов здесь было известно около 30 экземпляров,¹⁴ то есть они встречались лишь в 6% катакомб, тогда как в нашей выборке – почти в 20%.

Каменные навершия булав также являются довольно редкой категорией находок в комплексах ингульской катакомбной культуры, причём авторы связывают их с погребениями представителей воинской аристократии¹⁵. Навершие булавы (вместе с бронзовыми ножом и шилом, а также с производственным набором для изготовления стрел) известно в основном погребении ингульской культуры 12 к. 20 у с. Филатовка в Крыму, где после демембрации кости были выложены в частично анатомическом порядке¹⁶. Навершия булав известны и в двух катакомбных комплексах Северо-Западного Причерноморья – Корпач к. 3 п. 7 и Дубиново к. 1 п. 12 – причём С.В. Иванова связывает их с влиянием донецкого и бахмутского катакомбного населения¹⁷. Заготовки наверший булав ещё более редки в катакомбных памятниках. Возможно, цилиндрический десятигранник из мелкозернистого песчаника (диаметр 6,5 см, высота 4,5 см), лежавший в детском катакомбном погребении 2 кургана 1 у посёлка Светлый (Тараклийский район, Молдова), также являлся подобной заготовкой¹⁸.

Следует обратить внимание и на наличие в комплексе Глиное-ДОТ к. 2 п. 7 у погребённого трепанации, а также перелома руки, со следами начавшегося заживления, что может указывать на его участие в боевых действиях.

Наконец, ещё один предмет вооружения не относился к погребальному инвентарю. В п. 6 к. 1 группы Глиное-Сад под нижней челюстью мужчины 45–60 лет в гионидной кости застрял кремнёвый наконечник стрелы с глубокой арочной выемкой в основании, покрытый слоем кальция и, частично, костной мозолью. Данный наконечник являлся причиной давнего несмертельного ранения. Кроме того, у этого мужчины антропологом отмечены давние переломы правой руки, нижней челюсти и плюсневых костей, возможно, полученные в том же боевом столкновении.

Особо следует отметить набор гадальных костей в виде трёх параллелепипедов из рога благородного оленя с вырезанными на гранях знаками, лежавший у правого плеча мужчины 35–50 лет (у левого находилось каменное навершие

¹⁴ Иванова С.В. Катакомбные культуры // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины). Одесса: Одесский археологический музей, 2013. – С. 263.

¹⁵ Пустовалов С.Ж. Социальный лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. – Київ: Шлях, 2005. – С. 37.

¹⁶ Небрат С.Г. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры // Донецкий археологический збірник. – № 17. – Донецьк: Вид-во Донецького університету, 2013. – С. 23.

¹⁷ Иванова С.В. Катакомбные культуры // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины). Одесса: Одесский археологический музей, 2013. – С. 275.

¹⁸ Тоцев Г.Н. Западный ареал памятников катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев: ИА НАН УССР, 1991. – С. 95, рис. 5.5.

топора-молота) (рис. 2.7). В настоящее время это самый западный из подобных наборов среднего бронзового века. Ближайший был исследован на правом берегу Нижнего Днепра¹⁹.

Подведём итоги. Памятники катакомбных культур на реке Красная представлены четырьмя небольшими могильниками, впущенными в полы курганов более раннего времени. На фоне массива катакомбных памятников Северо-Западного Причерноморья они выделяются крайне высоким процентом погребений взрослых мужчин, количеством предметов вооружения, особенностями погребальных сооружений. Уникальной для региона является Т-образная катакомба раннего облика. Также выделяются два комплекса с демембрациями, в одном из которых, к тому же, найден костяк коня, а в другом череп с трепанацией и заготовка навершия булавы. Большой интерес вызывает находка набора из трёх гадальных костей.

¹⁹ Евдокимов Г.Л. Погребение мастера-костореза из Брилёвского могильника // Катакомбная культурно-историческая общность и культурно-историческая общность многоваликовой керамики. – Запорожье: Изд-во ЗГУ, 1998. – С. 10–19.